

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

МАТРОСЫ «ГАСЯТ» ДИКАРЕЙ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Матросы «гасят» дикарей

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Матросы «гасят» дикарей / С. И. Зверев — «Научная книга», 2012 — (Морской спецназ)

Майор Глеб Дымов, командир группы боевых пловцов, получает важное задание. В Новой Гвинее скрывается агент ЦРУ, который поставлял российской разведке важные сведения об американском флоте. Этого человека надо срочно вывезти. Столица папуасов наводнена американскими контрразведчиками, они ждут, когда русские придут за объектом. Но Дымов и его отряд с успехом выполняют задание и доставляют агента на борт корабля «Адмирал Ховрин». Однако на этом приключения не заканчиваются. Американские спецслужбы не могут смириться со своим проигрышем и наносят российским парням ответный удар. С другой стороны на россиян нападают дикари Новой Гвинееи...

Сергей Зверев

Матросы «гасят» дикарей

Красивых смертей нет, есть более или менее оправданные и бессмысленные.

Г. Коновалов. «Истоки»

В трюме корабля, стоящего у пирса, что-то завелось, громко забурчало. Стартовали гидравлические цилиндры, приводящие в действие люки шлюзовых камер. Из образовавшегося отверстия выплыл аквалангист на индивидуальном буксировщике «Протей-5», направил машину под углом на глубину. В свете фонарей, прикрепленных к резиновым шлемам, выплывали остальные, одетые в легкие гидрокостюмы и вооруженные специальными подводными пистолетами «СПП». Пристраивались в хвост ведущему и в колонну по одному уходили во мрак придонного слоя. Электродвигатели работали практически бесшумно. Громоздкие буксировщики, напоминающие авиабомбы с сужением на хвосте, в котором размещались защищенные кожухом лопасти, имели неплохую маневренность. Аквалангисты плотно прижимались к подводным носителям, держались за клыки-рукоятки, между ногами приглушенно бормотали и перемешивали воду электрические моторы. Процессия из пяти транспортных средств отдалялась от причала, погружалась в глубины...

Знакомиться с морскими красотами смысла не было. Глубина двадцать метров оптимальная для недолгого подводного похода. Сверху не заметят, и для декомпрессии не нужно делать долгих и раздражающих остановок. Ведущий выровнял курс, что-то переключил на панели управления, и буксировщик поплыл резвее, уплотнилось бурление в хвостовой части. Морская вода была теплой, как парное молоко, прогретая в светлое время под палящим солнцем, она не успевала охладиться за ночь. Ведущий вытянул шею, посмотрел вниз, ведь ничто не отменяло простое человеческое любопытство. Электрический свет неохотно проникал сквозь толщи воды, но метров на пятнадцать его хватало. Мглистое дно полосовали рифы и приземистые скалы, шапки водорослей всех оттенков зелени венчали барельеф дна, колыхались под напором подводных течений, шныряли стайки пятнистых рыбешек. Выбралась из мрака жутковатая, обросшая водорослями конструкция – затопленное судно с возвышением кокпита над надстройкой. Дальше вид был мрачнее, показался развалившийся пополам двухфюзеляжный самолет, вросший в коралловый риф. Р-38 «Лайтнинг», популярный в сороковые американский истребитель на Тихоокеанском театре военных действий. Подобные самолеты поднимались с баз в Юго-Восточной Азии, бомбили японцев в Корее, в Китае, на Филиппинах, на островах Океании. На одном из подобных истребителей летал небезызвестный Антуан де Сент-Экзюпери...

Майор Глеб Дымов, командир группы боевых пловцов, приписанных к 102-му отряду борьбы с подводными диверсионными силами и средствами, остановил буксировщик, вытянул руку, сигнализируя о прекращении движения. Он начал медленно всплывать, и вскоре его голова и ребризер, облегающий спину, покачивались на легкой волне, а все остальное, включая буксировщик, оставалось под водой. Он вынул изо рта загубник легочного аппарата, стащил маску, начал осматриваться. Папуасская ночь была тиха и безоблачна. Группа пловцов отдалилась от берега метров на пятьсот. Просматривались протяженная гавань, портовые краны, несколько многоэтажек, оконечность холма Пага на западе, с которого открывался вид на Порт-Морсби – столицу Папуа – Новой Гвинеи, куда по недоразумению занесло россиян. У пристани покачивались суда с включенными сигнальными огнями. Центральный пирс украшало самое мощное и величественное из них – большой противолодочный корабль «Адмирал Ховрин». С него и десантировалась в воды бухты группа «морских дьяволов». На корабле мигали огни, перекликались дневальные и вахтенные офицеры. Боевой корабль даже в темное время суток

производил впечатление. Это была стальная громада, водоизмещением в семь с половиной тысяч тонн, длиной 170 метров, шириной – 20, осадка – восемь метров. Четыре двигателя по двадцать тысяч лошадиных сил, скорость тридцать узлов, экипаж почти три сотни опытных, побывавших в передрягах военнослужащих. Вооружение такое, что способно в хлам разнести столицу папуасов: ракетные торпеды «Раструб», пусковые установки ЗРК «Кинжал», 100-миллиметровые орудия, не оставляющие камня на камне...

Было два часа ночи – бухта спала. Но если присмотреться, не вся и не везде. На одном из судов, пришвартованных в гавани, еще не смолкла вечеринка, смеялись люди, звуки музыки разносились по воде. По дороге за набережной метался свет фар, работали портовые заведения. С обратной стороны из необъятных просторов Кораллового моря в гавань заходило суденышко, похоже, яхта одного из местных богатеев, либо бандита, либо важного чиновника, живущего на «собственные государственные» сбережения (и тех, и других в стране хватало с избытком). До яхты было больше мили, ее курс никак не пересекался с боевыми пловцами. Глеб всматривался в восточные пределы обширной гавани: виднелся рыбацкий пригород из однообразных лачуг на сваях, рваная цепочка нелюдимых скал, рослый маяк на краю мыса. Напротив маяка, на дистанции нескольких кабельтовых, протянулась цепочка островков, один из которых и являлся конечной точкой маршрута. Вероятно, у острова имелось название, но в инструкциях значились лишь координаты, характер рельефа и толика дополнительной информации: когда-то на этом камне располагался скромный отель, не поделенный конкурирующими криминальными группировками, в итоге заведение не досталось никому, а от здания в ходе разборки уцелел лишь остов. Там же находились мастерские одного из местных промыслов, но и это предприятие дало дуба. Природа на острове зачахла, люди там не жили, остатки зданий и производственных площадей представляли запутанный лабиринт и были идеальным местом, где можно спрятаться...

«Что-то не нравится мне в этом “Ухрюпинске”, – думал Глеб, настороженно созерцая панораму бухты. – Осторожнее бы надо...» Он сунул в рот загубник, поправил маску, перевел рычаг на панели управления и начал пропадать. Сомкнулись толщи над головой, он плавно погружался, ориентируясь на далекий электрический свет. Подчиненные обретались между поверхностью и замусоренным дном и от скуки уже водили хоровод вокруг мрачного Шуры Антоновича, который не принимал участия в забаве, сидел верхом на своей «торпед» и лишь угрюмо косился на снующих по радиусу «лошадок». «Детский сад с барабаном, – раздраженно подумал Глеб. – Никакой серьезности в ответственный момент. Все правильно: командир всегда будет чем-то недоволен. А если нет разницы, то зачем стараться больше?» «А сам-то чем лучше?» – мелькнула мысль, но он от нее с досадой отмахнулся. «Веселая карусель» замедлила бег, остановилась, и сослуживцы выжидающе уставились на командира. Глеб видел лишь глаза под водолазными масками. Неунывающим взглядом смотрел Женька Волокушин, хмурый – Антонович, зорко уставились на него выпавшиеся и воспаленные глаза обленившегося Семена Платова, настороженно поглядывал исполнительный «плейбой» Серега Становой. Расслабились бойцы без серьезной работы, размякли, пороть их некому, и Глебу некогда. Еле растолкал их полчаса назад, спали, как хорьки. Элита, блин, Военно-морского флота, приписанная к «Адмиралу Ховрину», но в гробу выдавшая и корабельную дисциплину, и распорядок дня, и циркуляры местного владыки – сурового капитана первого ранга Осадчего Олега Максимовича, которому группа боевых пловцов никоим образом не подчинялась. «Опять будильник спать мешает? – иронизировал Глеб, расталкивая спящих мертвым сном мужчин. – На толчках сгною! Отпуска лишу!» – «Не лишай, умоляем... – стонал блуждающий сомнамбулой Семен. – А то у нас с друзьями традиция – каждый год хотеть в отпуск... А ты молодец, Глеб, предупредить не мог, что тебе в два часа ночи шлея под хвост ударит? Куда? Зачем? Объясни, это важно или срочно?» «Кто рано встает, тот всех достал уже! – вторил ему Антонович. – Действительно, Глеб, почему не предупредил?»

Не мог он никого предупредить. Спецслужбы секретность развели, как на режимном объекте. Несколько раз приходилось подписывать бумаги о неразглашении. Никому ни звука, действовать в ночное время, всячески запутывать и сбивать со следа вероятного противника. Столица папуасов, по мнению некоторых, наводнена агентами ЦРУ, и все сидят в порту и ждут, когда русские отправятся за объектом, координаты которого известны только им. А коль постигнет неудача и нависнет серьезная угроза, то лучше ликвидировать объект, чем отдать врагу. Но это крайние меры – объект должен быть передан российской стороне в целостности и сохранности. Этот носитель особо важной информации и так натерпелся...

«Зря я их шпыняю, – думал Глеб, созерцая свое подводное воинство. – Нормальные парни, не подведут. Как расслабились, так и напрягутся». И задание, исходя из имеющейся информации, было несложным. Он проделал серию жестикуляций, включил драйв и первым поплыл на восток. Если парни все поняли правильно, то Платов и Антонович должны отстать, укрыться в местности и убедиться, что группу никто не пасет...

Они подплыли к острову с наветренной южной стороны, выбрались из воды и начали изучать обстановку. В этой части бухты ветер усиливался, вздымались волны, выбрасываясь с шипением на груды бетонных плит. Несколько минут пловцы барражировали мимо постиндустриальных красот, которые в любой части света, похоже, одинаковы. Полку спецназа прибыло – вынырнули Платов и Антонович, стащили маски.

– Чисто, командир, – прокашлял Антонович – крепыш тридцати шести лет, критично относящийся ко всему, с чем сталкивался.

– Никого, – подтвердил Семен Платов – тридцатилетний смешливый боец – живое подтверждение популярного постулата, что детство никуда не уходит. – Нет, в натуре, Глеб Андреевич, мы опустили почти на дно, погасили фонари, включили режим тишины и торчали там, как сычи, и хоть бы одна сволочь на горизонте показалась. Ты уверен, что нужно бояться?

– Ну, не знаю, парни, – как-то неуверенно изрек Серега Становой – мускулистый красавец тридцати двух лет от роду, отличный пловец, но не кладезь мудрости, то есть по натуре простоватый и прямодушный. – Лично у меня при выходе из трюма было чувство, будто я под колпаком. Я могу, конечно, чего-то не понимать...

– Ты просто обязан это делать – не понимать, – фыркнул Женька Волокушин – юный, неунывающий и всегда оптимистично настроенный. – Не было за нами наблюдения, Серега, не так-то просто его наладить под водой. Шизуешь ты, брат.

Но беспокойство усиливалось. Если окрестности Порт-Морсби действительно наводнены агентами потенциального противника и если допустить, что они информированы о планах русских и умеют думать, то вовсе незачем следить за пловцами, которые рано или поздно вернутся к кораблю. «Адмирал Ховрин» прикован к причалу, в нем не так уж много шлюзовых портов, способных всосать аквалангистов с буксировщиками. Или это паранойя на пустом месте?

Что ни говори, а операцию спланировали скверно. Пловцы – исполнители, в рамках задания не разгуляешься, ладно... Они по одному выбирались на плиты, привязывая буксировщики, забивались в щели, извлекая подводные пистолеты «СПП», сконструированные советскими умельцами еще в далекие семидесятые, компактные, с четырьмя жестко скрепленными стволами и обоймами-картриджами на четыре выстрела. Становому не повезло, обычно проворный, но тут он сгруппировался: доверился с виду надежной бетонной плите, взобрался на нее... и не успел ухватиться за конец арматуры, как отломившийся шмат бетона вместе с пловцом ушел под воду! Впрочем, выплунуть непечатное слово боец успел.

– Мат в один ход, – шмыгнув носом, прокомментировал Семен.

– Незачет по физкультуре, – добавил Женька Волокушин.

– Очень трудно кому-то давалась учеба, – добил Антонович.

Вынырнул обозленный Становой, вразмаху поплыл к сбежавшему буксировщику, вернул пропажу, выбрался на соседнюю плиту, держась за грудь.

– Блин, чуть ребрами эту дрянь не разбил...

– Ты в порядке? – спросил Глеб.

– В сомнительном, – огрызнулся Становой. – Не волнуйся, жить буду. А вы чего тут зубоскалите, недалекие?

– Кто бы говорил, – хихикнул Женька.

– Всем внимание, если я вас не сильно затрудняю, – возвестил Глеб, напряженно всматриваясь в ночную серость. – Становому – остаться, сторожить буксировщики и бдеть во все глаза, уши и прочие отверстия. В случае опасности хоть соевой ори, только не стреляй. Остальные – за мной. Объект – двухэтажное строение в стадии полураспада на восточной стороне острова. В колонну по одному, и неторопливой трусцой...

– И чтобы трусцы не свалились... – ухмыльнулся Антонович.

Площадь острова была не больше квадратного километра. С вершины рукотворной горки он просматривался практически весь. Из растительности на клочке суши с неплодородной глинистой почвой были лишь отдельные чахлые кусты и кучка пальм в прибрежной зоне, что никак не гармонировало с соседними островами, по уши заросшими зеленью. Объяснение этому, видимо, существовало, но никто не хотел над этим задумываться. Пловцы по одному перетекли в ложбину, крались мимо сгнившего причала, выходящего на строение с просевшей крышей, мимо заброшенных бунгало, от которых остались лишь бамбуковые остовы. Возможно, здесь когда-то случилось землетрясение, местный криминал не поделил оставшееся, плюнул на это дело, и воцарилось запустение, не нашедшее до текущего дня своего отчаянного спонсора. «Чай, не Европа, не Турция, – размышлял Глеб, перебираясь через каменные преграды, – беднейшее государство в мире, кого тут волнуют бесперспективные клочки суши в зоне прямой видимости от правительственных кварталов? Бросили и забыли».

До двухэтажного объекта оставалось метров сорок продуваемого пространства. Фигурки пловцов сливались с ночными пейзажами. Рокотал в отдалении прибой, противно орала морские птицы. Голос Станового в ухе Глеба доверительно поведал, что в квадрате высадки ничего внезапного не случилось. «Все в порядке, – успокоился Глеб. – Кроме нас и объекта, на острове никого. Впрочем, с объектом пока неясность...»

Эфемерные фигуры, сливающиеся с темнотой, прокрались мимо поваленного забора, стали перебегать к двухэтажному строению, в котором, согласно информации, прятался от властей и бывших коллег очень важный для государства тип. Пловцы занимали позиции: Антонович и Женька Волокушин прильнули к разбитым косякам, Семен нырнул за угол и тут же вынырнул, сигнализируя, что за углом посторонних нет. Сжимая рукоятку «СПП», Глеб протиснулся в разбитый проем. Действительно, если допустить, что артиллерия в сносе здания не участвовала, то его удручающее состояние можно объяснить только землетрясением.

Он вошел под гулкий свод, опасливо поглядывая на прогнувшиеся балки потолочных перекрытий. Фонари можно было и не включать, остров просматривался насквозь, а стены в здании были далеко не везде. Послышалось шуршание за спиной, бойцы по одному проникали в строение, прятались за естественными укрытиями. Что-то пробежало по полу, шурша лапками и попискивая, Семен приглушенно ругнулся, он не выносил крыс. Обшаривать все закоулки этого ветхого здания можно было до утра. Он короткими шажками, стараясь обо что-нибудь не запнуться, вышел в широкий коридор, наострил уши. Пахло тленом, ржавчиной, сырость царила убийственная. Как тут может кто-то жить, не гния заживо?

– Командир, приказывать будешь? – проворчал за спиной Шурик Антонович. – Хреново тут как-то, делать-то чего будем?

– Здание явно заброшено, товарищи офицеры! – громким голосом объявил Глеб. – Бьюсь об заклад, лучшего места для вечеринки мы не найдем.

За спиной воцарилось недоуменное молчание. Глеб прижался к отсыревшей кирпичной кладке. В здании все так же царила тишина.

– Ну, в общем-то, ты прав, – неуверенно отозвался не спешащий шевелить извилинами Семен. – У нас сегодня вечеринка, Глеб Андреевич?

– Шашлычок, пиво? – нездорово возбудился Женька Волокушин.

– Здание явно заброшено, товарищи офицеры! – металлическим голосом повторил Глеб. – Бьюсь об заклад, лучшего места для вечеринки мы не найдем.

– Замкнуло, кэп? – резонно осведомился Антонович.

– Блин, да это же условная фраза... – запоздало дошло до Платова.

– А что, этот тип шарит по-русски? – озадачился Волокушин.

Этот тип по долгу службы в совершенстве понимал не только по-русски, но и по двенадцати другим языкам, в числе которых почему-то значился албанский (в классическом понимании) и украинский. Откуда-то снизу донесся продолжительный скрип, переходящий в скрежет, спецназовцы разбежались. Сообразив, что скрипит не где-нибудь, а у него под ногами, Глеб попятился, отступил за простенок. Не сказать, что на глазах изумленной публики происходило рождение Левиафана, но зрелище впечатляло. В мешанине плесневелых досок и цементных обломков прятался люк. Задрожали хлипкие половые перекрытия, сместилась крышка люка, лежащая в створе без шарниров, и из мрака подземелья на короточках выбрался оборванный бородатый мужчина. На нем скрестились лучи четырех фонарей, обитатель подземелья зажмурился, закрыл лицо трясущимися руками. Грязный, исхудавший, издающий ужасную вонь, с лысиной в середине черепа. Опустились руки, в которые прочно въелась грязь, и по людям, выходящим из мрака, заметался взгляд воспаленных глаз. На впалых щеках алели нарывы, от постоянной сырости изнеженная кожа начинала гнить.

– Святая Мария, вы русские... – Он выдирает слова из горла с таким мучением, словно они там пустили корни. – Вы те, кого я жду, это невероятно, не могу поверить... – Сил уже не осталось, он опустился на колени, мог и упасть, если бы Семен и Волокушин не подхватили его под мышки.

– Ни хрена себе особенности русской вечеринки, – оценил Антонович.

– Вы Хасслингер? – колебавшись, спросил Глеб. – Марк Хасслингер?

– Да, я Марк Хасслингер... – Слова человека делались невнятные, закатывались глаза, а по чумазой физиономии лица без определенного места жительства расплывалась блаженная улыбка. – Господа, я вам крайне признателен... Я понимаю, что вы выполняете приказы начальства, но все же я ваш пожизненный должник. Спасибо, господа...

– Прекращайте, Хасслингер, – Глеб смутился. – Вы еще заплачете. Хотелось бы сразу предупредить, не надо притворяться более изможденным, чем вы есть на самом деле.

– Простите... – Мужчина закашлялся. – Да, наверное, я преувеличиваю тяжесть своего состояния, но я сижу в этом подвале уже вторую неделю. Позавчера закончились продукты и еда.

– Соберитесь, Хасслингер, и не мешайте нам выполнять свою работу. Мы перевезем вас на российский корабль, но нянек здесь нет, и вам придется держаться за буксировщик самостоятельно.

– Да, да, я понимаю... – зачастил «робинзон». – Я не создам вам проблем, обещаю...

– А теперь внимание, мистер Хасслингер. Поработайте головой и вспомните, не замечали ли вы в течение вашей страстной недели на острове посторонних?

– Конечно же... – Запуганный субъект подался вперед, и Глеб поежился, суровая натура спецназовца не отрицала чувствительность к неприятным запахам. – Я не страдаю паранойей, господа, но понимаю, что означает для правительства моей страны моя поимка. Они из кожи вылезут, чтобы прибрать меня к рукам. Они знают, что я нахожусь в этом квадрате... Они везде, поверьте, я не преувеличиваю... Это было несколько суток тому назад, господа, точнее

сказать не могу, в голове все запуталось... Трое или четверо прибыло на моторной лодке... Истоптали тут весь остров, я спрятался в подвале, хорошо, что не заметили крышку... Было слышно, как они переговариваются – это ЦРУ, господа, это точно ЦРУ, можете не сомневаться, это агенты Национальной секретной службы, специалисты по тайным операциям... Они обошли все строения на острове, были вспыльчивы, раздражены, потом сели в лодку, поплыли к следующему... Потом я слышал, как мимо острова барражирует моторная лодка. Сомневаюсь, что это были местные, аборигены сюда не заходят, считают этот остров проклятым...

Становилось как-то неуютно, это чувство возникало всякий раз, когда над выполнением задания нависала угроза. Бойцы уже выскальзывали из здания, брали под надзор прилегающую местность. Глеб постучал по динамику микрогарнитуры в ухе.

– Докладывай.

– Тихо, как на погосте, командир, – бесхитростно отозвался Становой.

– Будь осторожен, мы сейчас придем. – Он отключил переговорное устройство и с раздражением покосился на изможденного Хасслингера, который трепетно смотрел ему в рот и был готов преданно залаять. Почему такая вакханалия из-за блеклого человечка, который, как ни крути, форменный предатель своей страны? Неужели он так много знает, что ЦРУ отправляет за ним в страну папуасов целую армию агентов, не щадя ни денег, ни сил? В таком случае сто к одному, что внимание ЦРУ приковано к российскому боевому кораблю, стоящему у пирса. Ну, хотя бы осталась надежда, что секретная служба не догадалась подтянуть в квадрат боевых пловцов...

– Хочу вас сразу предупредить, мистер Хасслигер, – вы должны беспрекословно выполнять наши распоряжения. Нам плевать, умеете ли вы пользоваться аквалангом. По прибытии на место на вас наденут маску и ребризер – это компактный криогенный акваланг, который не доставит вам неудобств. Вы должны закусить загубник и ни в коем случае его не выплевывать. Дышите размеренно, без нервов, кислорода в баллоне хватит на десять таких, как вы. Ляжете на буксировщик, обхватите рукоятки, и чтобы никакая сила не смогла вас от них оторвать, уяснили? Надеюсь, этот Буцефал унесет нас двоих...

– Да, я все понимаю, я все сделаю... – зачастил Хасслигер. И вдруг смутился: – Вы хотели сказать Боливар, мистер? Буцефал, если не ошибаюсь, был конем Александра Македонского?

С улицы послышался гогот Семена Платова, парень не жаловался на отсутствие слуха. Глеб смутился, он все прекрасно знал, отсутствием интеллекта не страдал, просто вырвалось...

– Я сказал Буцефал, значит, Буцефал, – сурово процедил Глеб. – Вы что-то имеете против коня Александра Македонского, мистер Хасслигер? А шибко умные, – он повысил голос, – поплывут без буксировщика и без акваланга...

Неудобств и косяков в несложном деле было хоть отбавляй. Неудобства моральные и физические. Что-то подсказало, что лучше отправиться в обход, не светясь на том же маршруте. Он послал Волокушина прокладывать дорогу в южном направлении. Пару кабельтовых на юг, выйти в открытое море, повернуть на запад и потихоньку возвращаться в бухту. И не гнать, как на пожар, Буцефал, конечно, не детская машинка на батарейках, но сомнительно, что со счастливым ржанием понесет двоих. К чести Хасслингера следует признать, что он вел себя прилично, дышал ритмично, согласно инструкциям, дрожал при этом как осиновый лист, но с буксировщика не соскальзывал. Вцепился в него, как в спасительную соломинку, обвинил всеми конечностями. Глеб держался справа, испытывая отчаянные неудобства. Ноги болтались в воде, левой рукой он держался за клык в центральной части торпеды, служащий «сиденьем» для аквалангиста, правой цеплялся за переднюю рукоятку, умудряясь при этом манипулировать пластинами-клавишами на панели. Из-за перекоса буксировщик двигался рывками, то погружаясь, то устремляясь вверх, виляя, как машина с пробитой шиной. Но Глеб приноро-

вился, неудобства временные, лишь бы этот крендель не стал возиться и паниковать раньше времени. Женька Волокушин вел себя грамотно, не рвал, как на Олимпиаде, оглядывался, поджидал отстающего. Его фонарь мерцал метрах в пятнадцати. Остальные тащились где-то сзади, контролировали тыл на широком участке, за это направление Глеб был спокоен...

Они прошли на запад порядка полутора миль, можно было забирать к северу. До «Адмирала Ховрина» оставалось меньше мили. У Женьки в голове был тот же счетчик, он смешался вправо, понижал обороты. Рябил электрический фонарь, вуалируемый толщей воды. Сменился курс, все в порядке. Хотелось верить, что остальные не отстают, у него практически не было возможности обернуться, отчего он исполнялся еще большим раздражением к вибрирующему «предателю народа американского», к которому приходилось прижиматься, как к любовнику...

В какой-то миг он почувствовал панику, то ли опустились слишком низко, то ли дно в этой части акватории шло на подъем. Волокушин поздно заметил надвигающийся гребень кораллового рифа, из мрака выплывало что-то зубчатое, серое, похожее на руины средневековой крепости. Замычал Хасслингер, завертелся как на раскаленной сковородке. Глеб направил буксировщик вверх, Хасслингер чуть не вывалился из «седла», а Глеб почувствовал, как колено процарапало что-то острое. Да и шут с ним... Соленая вода мгновенно хлынула в рану, ощущения были не самые бодрящие, но макушка рифа осталась за спиной, и он почувствовал облегчение, как пилот самолета, уклонившийся от встречи с макушкой горы...

Дно действительно приподнялось, для судов не проблема, а вот для боевых пловцов, тянущих непосильную ношу... Впереди поблескивал огонек, Женьку ничто не тянуло ко дну, он шел выше. Протащилось что-то рукотворное, зловещее, обросшее кораллами и моллюсками. Немало затонуло кораблей в этой бухте с тех пор, как в 1873 году на острове Новая Гвинея высадился английский мореплаватель Джон Морсби... Снова возникали очертания подводных скал, лавировать между ними становилось все труднее. К черту! Он уже ненавидел этого трутня, прилипшего к буксировщику. Так и хотелось двинуть по почкам, чтобы хоть в чем-то помог. Буксировщик клевал носом, его мотало из стороны в сторону. Для сохранения равновесия приходилось прикладывать титанические усилия. В один прекрасный миг он почувствовал, что проклятая торпеда наотрез отказывается подниматься вверх. В следующий миг он понял, что буксировщик замедляется, двигатель работает с пробуксовкой, движение осуществляется лишь по инерции. Четыре метра, два, полная остановка и такая же задница... Винт застыл, настала чреватая тишина, беспокойно завозился Хасслингер, мол, почему стоим, кого ждем? Старая тарантаска! Советское – значит отличное? Глеб не мог поверить, что спецназ на «Адмирале Ховрине» перед передачей буксировщиков не проверили зарядку аккумуляторов! Разве возможно такое? Что за бардак! Аккумуляторная батарея разрядилась, и буксировщик плавно, прямо даже грациозно опускался на дно, на узкий пятачок между подводными скалами. Глеб чуть не выл от злости, пропади она пропадом, такая операция и подготовка к ней! Сколько раз он зарекался в этой жизни: делай все сам, не доверяй другим!

Оставалось лишь голосовать, не проплывут же мимо? Женька ушел вперед, забыв оглянуться, остальные еще не подоспели. Замечательно! Ладно, до корабля не коломенская верста. Он знаками показывал Хасслингеру, мол, приплыли, временные трудности. И проворонил что-то важное в этой проблемной зоне. Да голова у него самая главная проблемная зона. Он отвлекся на несколько секунд, и этого оказалось достаточно, чтобы потерять контроль! Атака была стремительной, его подкараулили! Яркий свет полоснул по глазам, Глеб ослеп на пару мгновений, но успел заметить, как из-за скалы выплыли две гибкие фигуры и устремились в атаку, да с такой прытью, словно у них моторчики между ног. Аквалангисты! Случилось чудесное превращение вероятного противника в очевидного. Ослепительный свет плясал перед глазами, Глеб убрался с линии атаки, сокрушаясь, что у него нет ласт, а у противника есть. Он успел схватить Хасслингера под мышки, оторвать от буксировщика и куда-то забросить, невзирая на сопротивление воды. Далеко не убежит, потом разберемся... Главное не сто-

ять на месте, он изогнулся, словно гусеница, подался вниз и сразу вверх, уходя от «росчерка пера», разрезавшего воду. И тут словно огнетушителем по спине огрели. Не мытьем, так катаньем, не пулей, так пяткой! Сложно не подать вида, когда тебе больно. В глазах бесились залпы фейерверка, он не мог дышать размеренно, с жадностью поглощал дыхательную смесь, понижая давление в баллоне. Фонарь на голове исправно работал, Глеб видел, как вырастает силуэт мужчины с мельтешащими конечностями, в черном закрытом гидрокостюме, шапочке-шлеме, мощных очках, мускулистый, гад... Он повалился на спину, ударил пяткой под горло, и противника, уже вскинувшего подводный пистолет «Хеклер и Кох», куда-то унесло, закружило. Глебу потребовалось время, чтобы восстановить равновесие. Хорошо, что сработало чутье, слева второй, сейчас выстрелит! Он изогнулся так, что затрещал позвоночник, ноги с головой поменялись местами, стремительный прорыв, Глеб схватил противника за ноги, дернул, и два тела с растопыренными конечностями закружились в нелогичном хороводе. Соперник выронил пистолет – и это просто праздник! Но тот уже тянулся к ножу на поясе, извлек его, но Глеб схватил за предплечье. Оба тужились, не уступали, запотели маски. Вторая рука бросилась помогать первой, но и у врага имелась вторая рука. «Какое-то странное соревнование по армрестлингу», – мелькнула мысль. Они болтались в полуметре от дна, кружились, выламывая суставы и растягивая жилы, никто не уступал. Перепутались ноги. Фонари на головах продолжали работать. Сквозь проблески в разводах пота на стекле Глеб видел вражеские глаза – темно-карие, недобрые, колючие, исполненные бычьей ярости. Откуда столько сил у этого монстра?! Тот напрягся, а Глеб с ужасом почувствовал, что неприятельская лапа выskalывает из его тисков, и сейчас закаленная сталь пропорет ткань гидрокостюма...

К счастью, опомнился Женька. Навалился на противника сзади, сжал предплечьем горло. Противник оторвался от Дымова, забил ногами, выронил нож. А Женька волок его за собой, безуспешно пытаясь извлечь из ножен свой «Катран». Этих двоих уже не было рядом, они дрались в стороне, колотясь о подводную скалу. Три секунды, чтобы вернуть форму, и снова нужно жизнь спасать. Первый аквалангист, которому он врезал по горлу, оказался живучим. Он снова приближался с пистолетом в вытянутой руке. Выстрелил на дистанции пять метров, Глеб уже проваливался плечом, машинально швыряя руку на кобуру. Пуля пролетела (или проплыла?) над головой. Он ударился лопаткой обо что-то острое, но «СПП» уже был в руке, развернулся к атакующему его аквалангисту. Дымов выстрелил первым, за мгновение до того, как аквалангист вторично нажал на спусковой крючок. Прямое попадание – и того отбросило, вновь замельтешили конечности, и он безвольно закачался, согнувшись крючком и уронив руки...

Второй, что сцепился с Волокушиным, все это видел. Удар под дых вывел Женьку из равновесия, аквалангист поднырнул у него под ногами, и оба тела распались, при этом Женька как-то обмяк, хотя определенно был жив. Он завис в неловкой позе с вывернутой ногой... Этот ублюдок сломал ему лодыжку! Глеб уже плыл наперерез врагу, который тоже замешкался. Уж теперь попляшет этот обладатель злобных карих глаз. Неожиданно Глеб увидел, как из-за скалы приближались еще трое, плясали огоньки, извивались нижние конечности, насаженные на ласты. Где их носило? Патрулировали соседний участок? Пистолет он не выронил, в нем оставалось три патрона. Глеб приготовился защищаться, подался к ближайшему укрытию из окостеневшего планктона. Он просил про себя, чтоб только не все разом, а по одному, ему же не справиться! В груди возник дикий восторг, словно гелия хлебнул. Спасительная «Красная кавалерия», свои на буксировщиках, отстали, но уже вникли в ситуацию, построились в боевой порядок. Они валились сверху, неровной шеренгой, стреляя из пистолетов, в их «Протеях», слава богу, аккумуляторные батареи не сели. И противник дрогнул, пришел в замешательство, особенно после того, как Глеб из-за скалы открыл огонь. Аквалангисты стали поворачивать обратно, хватаясь за скалы, ныряли в провалы, удирали прочь, колотя ластами. Обладатель карих глаз уходил последним, неохотно, но ведь жить-то хочется. Они действи-

тельно уходили, признав поражение, не прятались в ближайших складках, огоньки отдалялись, мутнели. А поле брани уже оккупировал морской спецназ России, бойцы барражировали кругами над площадкой, как ковбои на мустангах, бахвалясь своим мастерством, а Семен Платов еще и вытянул вверх большой палец, дескать, спецназ непобедим. Черта с два непобедим, просто повезло сегодня! Глеб начал яростно показывать на безвольно блуждающего в придонном слое Женьку, пинал сломавшийся буксировщик, стрелял пальцем в перевернувшийся «Протей» Волокушина, указывал в ту сторону, куда ушли вражеские пловцы, всеми силами давая понять, что дел неуворот, и хоть разорвись. А потом чуть не схватился за голову: где Хасслингер?! Мать твою! Как же так?! Давненько он что-то тут не отмечался, этот гребаный Марик...

Сердце выскакивало из груди, он завертелся, настроил фонарь на максимально концентрированный свет, всматривался, куда пойти, куда податься... И слава богу! Обнаружил того метра в двадцати на север. Вернее, только ноги болтались. Он подался вперед упругими рывками. Хасслингера подхватило подводное течение, с которым он не совладал, да и не пытался, видать, ни разу в жизни не занимался подводным плаванием. Еще бы, для обленившихся америкосов главный вид спорта – плавание в бассейне на матрасе и барбекю на лужайке перед домом... Глеб подплыл к нему, схватил за безвольную конечность. Американец был жив, судя по блуждающим глазам. Вот же горе луковое... Он волок его без всякого почтения, лишь бы доволочь, чувствовал, что давление в акваланге понижается до критической отметки, и если они мгновенно не уберутся из этого проклятого квадрата...

И убрался. Компас исправно показывал на север. Работали лихорадочно, на грани фола. Женька, изнывая от боли, пытался оседлать своего «мустанга» и, в принципе, справлялся. Семену пришлось спешить, теперь ему досталась почетная роль сопровождать Хасслингера. Глеб приклеился к Антоновичу, Становой плыл рядом с Женькой в качестве няньки-сиделки. Мелькнула мысль, что если бы вражеские пловцы вернулись и повторили попытку по отъему Хасслингера, у них бы вышло. Но пловцы не возвращались. Потрепанная колонна из людей и буксировщиков, ломая боевой порядок, устремилась на север...

Уже и речи не было о шлюзовых камерах. Пришлось экстренно всплывать, команда бросала буксировщики (если надо, их потом поднимут специалисты Осадчего). Обнимали Женьку, хватали под мышки Хасслингера, выныривали со всем этим беспокойным хозяйством из воды под левым бортом громадины «Адмирала Ховрина». «Ну, бардак! – мысленно сокрушался Глеб. – Подплывай любой, подкладывай бомбу на здоровье! Потопить не потопят, но неприятностями обеспечат!» Они старались не шуметь, что-то сишло рычали, стучались в борт, матерились на «исконные русские порядочки».

– Кто здесь? – ужаснулся часовой из состава вахтенной смены, перегибаясь через борт морской громадины.

– Хрен в манто, боец... – хрипел Становой, уже замаявшийся держать в узде стонущего Женьку.

– А ты догадайся с трех раз, придурок... – плевался соленой морской водицей Антонович.

– Не бойся, боец, не гости... – шипел Глеб. – Кончай там моргать! Лучше скажи, какой сейчас год! Не хочешь в нас стрелять, так живо зови старшего вахтенного офицера, и лестницу спускайте с ковровой дорожкой.

Сбежалась целая толпа, просто шикарная конспирация. Вахтенные и караульные офицеры, матросы, зеваки в форме, которым не спалось. Прибежал ответственный за мероприятие капитан второго ранга Синельников, опухший, взъерошенный, осветил фонарем физиономию бородача, у которого от перепада давления глаза вываливались из орбит. Восторженно взвыл, хлопнул Глеба по плечу (лучше бы не хлопал, сука!), живо мобилизовал двух матросов с носилками, которые уволокли добычу в недра корабля. Командир плавучей крепости не

явился, да и ладно, кто бы обижался. Сокрушался начальник матчасти, пытал о судьбе буксировщиков, за которые он несет личную ответственность. Спецназовцы валялись на палубе, глупо хихикали, приходили в себя, не обращая внимания на собравшихся зрителей. Женька Волокушин матерился через слово (чаще не получалось), слезно жаловался, что этот «хренов котик» ему не только ногу сломал, но и всю дальнейшую жизнь и карьеру! Он убьет его собственными руками, если когда-нибудь повстречает! Женьку тоже уложили на носилки, поволокли в санчасть.

– Поинтеллигентнее с ним, мужики, не растрясите по дороге... – напутствовал их Глеб. – Займитесь там его гарантийным обслуживанием... И чтобы все у парня было – и карьера, и дальнейшая жизнь... Приду – проверю!

– Красиво работаем, морской еж нам в задницу... – ворчал Антонович. – Буксировщик сломался, Волокушин сломался, искомый объект едва не утерян и чуть не сломался...

«А ведь операция прошла успешно, все закончилось, – с легким недоумением думал Глеб. – Пусть коряво, через заднее место, но все позади и с минимальными потерями...»

– И самое смешное... – пыхтел Семен, вставая на колени и вытрясая воду из ушей, – только я подумал, что как-то все пресно, не мешало бы немного драйва... Вот вам и пожалуйте. Кстати, Глеб, Волокушин прав, эти парни были вылитые «морские котики». Ты сам подумай... ну, я имею в виду, головой, если повсюду на суше агенты ЦРУ и прочих родственных ведомств, то кто тогда под водой?

– И с одним из этих меринов ты разобрался по душам, – ухмылялся Шура Антонович. – Поговорил с ним, Глеб? Он все понял?

– Ты его убил? – нарочито драматично ужасался Семен. – Тем самым запустив череду ужасающих событий?

– Не каркай, – морщился Глеб. – Сам виноват, нечего в меня совать всякую хрень... Нет, серьезно, мужики, он сам чуть не прикончил меня, я всего лишь защищался.

Недобрые предчувствия не давали покоя Дымову. Если он и впрямь ликвидировал бойца из отряда SEAL, основного тактического подразделения Сил специальных операций ВМС США, считающегося самым подготовленным и оснащенным подразделением в мире, то хуже и не придумать. Вони не оберешься. И доказывай потом, что он напал первым. Сам-то что делал в данной части акватории, куда вход таким ребятам, как ты, заказан? Это, между прочим, территория Британского Содружества под патронажем английской королевы. Американцы здесь уместны, а вот боевой отряд специальных сил морской разведки государства Российского – как-то не звучит. Впрочем, все ли так плохо? Глеб раскладывал события по полочкам. Буксировщики поднимут, погрузят на судно в течение часа. До того, что сломался, уже не добратся, да и шут с ним, наличие российской техники не означает, что на ней работали русские. Форма одежды у пловцов нейтральная, это могут быть и туристы, и криминально настроенные аборигены. Пуля от «СПП» в теле мертвеца тоже не решающая улика. Нет никаких доказательств, что против «морских котиков» (если это действительно были «котики») работал российский спецназ. Заинтересованным лицам все понятно, но юридических доказательств НЕТ! Пошумят и перестанут. Важен результат. А результат, как ни крути, впечатляет...

– Мы сделали это, Глеб... – умирающим лебедем стонал Семен. – Пора домой, в страну вечного лета. Хватит, мужики, – он начал подниматься. – Пойдемте спать, не будем развлекать этих бездельников... Сегодня, кстати, наступает 16 сентября. – Он что-то вспомнил и хохотнул.

– И что с того? – не понял Становой.

– У папуасов сегодня День независимости. Нет, в натуре, мужики, я в Интернете читал.

– А зачем им независимость? – удивился Антонович.

– Мы счастливы за папуасов, – проворчал Глеб, поднимаясь на ноги. – Ты прав, Шура, ума не приложу, чего им не жилось под гнетом проклятых немецких, потом английских, потом австралийских колонизаторов?

На следующее утро у капитана второго ранга Синельникова был разбор полетов с участием всех отличившихся (за исключением Волокушина, у которого лодыжка была сломана в нескольких местах, и он плевать хотел на все «полеты» и их «разборы»). Спецназовцы стояли горой за командира. Им без разницы, кто напал, хоть «котики», хоть Моссад, хоть олухи царя небесного. Если напали на тебя и пытаются убить, то будь добр защищаться! Чей труп вам дороже, товарищ капитан второго ранга, безызвестного «морского котика» или самого Глеба Дымова? Тот выстрелил первым, а Дымов защищался! «Я все понимаю, мужики, – сконфуженно оправдывался ответственный за этот бардак, имеющий отношение к разведывательному управлению Тихоокеанского флота, а стало быть, к доблестным спецслужбам. – Но и вы меня поймите, я должен скрупулезно восстановить картину произошедшего, чтобы знать, как потом отбrehиваться. Все в порядке, можете не волноваться, вы поступили правильно. Я буду ходатайствовать перед командованием о награждении вас медалями и присвоении очередных воинских званий. Можете отдыхать. Выбора не будет, мужики, вам придется возвращаться в Россию на этом корабле. Впрочем, вы и так на довольствии...»

В этот день, 16 сентября текущего года от Рождества Христова, на корабле и в окрестностях все было мирно. Подозрительные личности на причале не отмечались (за исключением мирных папуасов, которые все как один выглядели подозрительно), плавательные средства без опознавательных знаков под бортом не шныряли, чужие водолазы диверсий не устраивали. Следы преступления потихоньку подтирались. Вырванный с боем Марк Хасслингер был надежно изолирован в одной из комфортабельных кают на нижней палубе, обеспечен охраной и участливым врачом. Группу спецназовцев вызвал и построил мрачноватый командир корабля капитан первого ранга Осадчий, обозрел их исподлобья, покачал головой и заявил: «Парни, формально вы мне не подчиняетесь, и я усердно закрываю глаза на то, чем вы тут занимаетесь, поскольку должен выполнять приказы вышестоящего начальства. Сделали работу – молодцы. А теперь сидите по своим каютам тише воды ниже травы, и чтобы я вас не видел и не слышал. Будете бузить – сорок нарядов вне очереди, и ничего не знаю! Уйдите с глаз моих, супермены, мать вашу...»

Согласно графику дружественного визита «Адмирал Ховрин» должен был пробыть в порту Порт-Морсби до десяти утра субботы 22 сентября. И спецназовцы уже исполнялись недобрыми предчувствиями относительно мучительной смерти от скуки. Окончательно проснулись они только к обеду, опасливо прислушивались, как над головой, на верхней палубе, снуют толпы аборигенов, дружественный визит предполагал экскурсии туземцев с осмотром палубного вооружения, способного взорвать их город за считанные минуты. Сладкоежка Платов, проснувшись, был весь в шоколаде, сунул плитку под подушку, потом забыл ее съесть, кондиционер на время их отсутствия отключили... и товарищи ржали, как подорванные, когда это чудо в перьях и густых коричневых разводах пыталось спозаранку протиснуться между кроватями. Потом наводили порядок. «Почему в каюте бардак, как в женской сумочке, товарищи офицеры?» – возмущался Глеб. Потом всем коллективом навестили страдающего в застенках санчасти товарища, сломавшего «лыжу». Женька жутко ругался, крыл всех грубыми словами, дрался закованной в гипс ногой и никак не мог поверить, что это происходит с ним, а не с кем-то из товарищей. «Как он, доктор?» – спросил Глеб, отведя в сторону местного лекаря с погонами капитан-лейтенанта. «Ест плохо ваш товарищ, – посетовал медик. И ухмыльнулся: – Но много».

Вся эта некрасивая история началась неделю назад. В 102-м отряде по борьбе с подводными диверсионными силами и средствами, базирующемся в Севастополе, после перетрясок в верхах установилось некоторое подобие мирной жизни. В один из этих идиллических дней поздно вечером, по завершении службы, в съемную квартиру майора Дымова ворвался раздраженный Григорий Ильич Бекшанский, бессменный отец-командир, наставник и человек,

всегда готовый вытащить подчиненного из дерьма, куда сам же его и засунул. «Почему телефон молчит?!» – вместо общечеловеческого «здрасьте» прорычал взвинченный шеф, с подозрением озирая обнаженный торс работника. «И пуст почтовый ящик», – подумал Глеб, проверяя сотовый на наличие входящих звонков. Ничего входящего в последние часы не было. Что он и продемонстрировал руководству. «И не оправдываться мне тут!» – рыкнул Григорий Ильич, хватаясь за свой телефон и покрываясь стыдливой краской, выяснилось, что сбились настройки, и он упорно вызванивал свою дочь, которая была так занята, что не могла ответить любимому папуле. Бекшанский машинально сунулся во вторую комнату и обнаружил там полураздетую диву с разбросанными по плечам белокурыми волосами. Она сидела на кровати и очень строго смотрела на человека, осмелившегося нарушить их покой. «То есть ты не занят?» – смутился Бекшанский, осторожно прикрывая дверь. «Как скажете», – насутился Глеб. «А это?.. – Григорий Ильич опасливо покосился на прилипшую к руке дверную ручку, и печать озарения осветила чело старого морского волка: – Так это та самая девушка, Глеб...» – «Та самая, – охотно согласился Дымов. – Бывшая невестка олигарха. У которой столько денег, что она может купить второй Черноморский флот и объявить войну первому, если вы будете меня обижать». Григорий Ильич как-то стушевался, притих, но из квартиры не ушел. Беседа принимала цивилизованный характер. Глеб уяснил, что у него есть время до утра, а в эти несколько часов он может заниматься чем угодно, включая грубый разнузданный секс. До обеда формирует группу – и на крыло. Информация сугубо конфиденциальная. В деле – ФСБ, Служба внешней разведки, кое-кто еще, и все эти доблестные структуры слезно просят специальную морскую разведку им помочь. Обычная шпионская история. Сотрудник ЦРУ по имени Марк Хасслингер, не самый высокопоставленный, но предельно информированный, был завербован российскими умельцами восемь лет назад. Получал достойную оплату, сливал информацию. Работал в Париже, Ираке, Чехии, Пакистане. И когда руководство ЦРУ заподозрило «крота» в своих рядах, принимал в его отлове деятельное участие, едва не поймал, за что был отмечен начальством и отправлен на работу в Австралию. Оттуда поставлял российской разведке важные сведения о перемещениях американского флота, о структуре и назначении многочисленных американских баз, о секретных тюрьмах ЦРУ, о наиболее почитаемых узниках и многое, многое другое. По самым скромным оценкам, он причинил своей стране ущерб на несколько миллиардов долларов и опустил ее хваленую разведку ниже плинтуса. Марк Хасслингер был дьявольски умен, в душе авантюрист, но никогда не лез на рожон, стремясь заполучить все сразу. Он предпочитал отщипывать от пирога кусочки и чувствовать себя в безопасности. ЦРУ сбилось с ног, выискивая «крота». Ему и в голову не приходило, что «крот» – это проверенный работник с идеальной биографией и репутацией, примерный семьянин, отец троих детей, воплощение педантизма и трудоголизма (в хорошем понимании этого слова). Первые подозрения у агентов зародились после беседы с одной симпатичной и скромной женщиной, жительницей Праги. Четыре года назад у нее с Хасслингером была небольшая интрижка. Дама понятия не имела, где работал этот приветливый, в ту пору сексуально привлекательный мужчина, но запомнила, как однажды в кафе на окраине города он встречался с неким мужчиной. Сугубо деловая встреча. По предъявленному фото добрая женщина узнала этого типа, им оказался сотрудник российского посольства, по совместительству резидент Службы внешней разведки в Праге. Насторожились, стали копать дальше. И открылась потрясающая истина... Марк Хасслингер тоже простофилей не был и о том, что под него копают, узнал заранее. Он продолжал ходить на работу, улыбался коллегам, а сам готовился к бегству. Ему не повезло, впрочем, оппонентам повезло не больше: он исчез из своего дома в Канберре, бросив семью, всплыл в Дарвине на севере Австралии, но и оттуда был вынужден бежать, когда правительственные агенты сели на хвост. Он просочился, как песок сквозь пальцы! Следующая остановка была отмечена в городе Уэйпа вблизи мыса Йорк, самой северной оконечности Австралии. И оттуда пришлось бежать. На попутном судне он перебрался через Торресов пролив, но и в Порт-Мор-

сби, куда согнали целую дивизию правительственных агентов, не нашел своего счастья. Кольцо вокруг находчивого предателя сжималось. Поимка такого зверя была для ЦРУ делом чести, и в средствах оно не скупилось. Осталось лишь тупо спрятаться. Хасслингер сделал последний телефонный звонок боссам из России, указал координаты логова, намекнул, что если его возьмут, то полетит не только его голова, но и многие другие законспирированные головы. И вообще, с последней передачи данных прошло так много времени, в его распоряжении прорва ценной информации! Можно не говорить, что русская разведка сделала стойку и в нетерпении завибрировала...

Как можно вытащить из Порт-Морсби человека, стоящего миллиарды долларов? Хорошо, прибудет группа, обеспечит безопасность ценного предателя, а что дальше? Как переправить его в Россию? И тут включились светлые головы. Несколько месяцев назад в зону Африканского Рога, обогнув Азию, прибыл из Владивостока для сопровождения российских судов БПК «Адмирал Ховрин». Все лето он с честью выполнял поставленные перед ним задачи, нагоняя ужас на пиратов, сопровождал суда, грозно поблескивая пушками, поучаствовал в учениях на Средиземном море в компании с парочкой крейсеров Черноморского флота и в начале сентября отправился обратно во Владивосток, где уже заждались жены, дети и родители. Были остановки в Йемене, Кочине (Индия), Джакарте, потом в обход Калимантана (с благословения индонезийского правительства) отправились на Филиппины, в Южную Корею... Решили, почему бы «Адмиралу Ховрину» не пройти дальше за Калимантан и не навестить братский папуасский народ. К тому же «Адмирал Ховрин» уже подходит к Джакарте, где его ожидают хлеб-соль и прочий теплый прием. Двое суток полным ходом в тридцать узлов, и он уже в Порт-Морсби! А группа морских разведчиков под видом туристов летит в Москву, оттуда в Джакарту, спокойно приходит в порт, садится на корабль, вливается в дружный коллектив и плывет в страну папуасов, людоедов и райских птиц без всяких проволочек и утомительных виз! С послом Республики Папуа – Новая Гвинея уже проводится разъяснительная работа, срочно требуется укрепление дружеских связей, намекают на некие преференции при совместной разработке медных и серебряных месторождений, особенно тех, к которым трудно подобраться из-за условий местности. Разве это не прекрасно: в День независимости великой папуасской республики у причала стоит боевой корабль из далекой и загадочной России, и на него толпами валят туземцы, обделенные в своей стране зрелищами и развлечениями? Что при этом думает ЦРУ, никого не волнует, корабль большой и железный, он сам по себе аргумент. Срочно на коленке пишется программа совместных мероприятий: выступление перед моряками туземного хора, туземного же ансамбля песни и пляски, визит высокопоставленных морских офицеров в мэрию Порт-Морсби, знакомство с флотом республики, насчитывающим несколько ржавых катеров. В штабе Тихоокеанского флота, куда пришла директива из Москвы, засомневались, мол, а зачем нам левые боевые пловцы, наши люди сами справятся, на корабле отличные специалисты, имеется все необходимое. Прогремела команда: «Отставить!» «Морские дьяволы» уже в пути, а ваши специалисты пусть палубу драят к их приезду...

Ничем особенным прибытие в порт не отметилось. Тянулись бесконечные мангровые заросли по берегам Кораллового моря, рыбацкие деревушки на сваях, стайки чернокожей ребятни, подозрительно напоминающей негрятят, носящиеся с ревом по редким пляжам. Относительно крупный город – Порт-Морсби, расположившийся в уютной бухте, 250 тысяч населения (как в милом сердцу Севастополе), единственная центральная улица с высокими зданиями, отдаленно напоминающая современный город, толпы неприкаянного населения, среди которых не встретишь побирушку, поскольку люди здесь гордые... Пловцы не светились, в город не выходили, сидели на палубе, с любопытством взирая на царящую на пристани суету. Для местных прибытие корабля из страны, о которой большинство из них даже не подозревало, – экзотика. Находиться на палубе становилось опасно, толпы страждущих рвались на борт, сновали какие-то делегации, почему-то не в перьях, а во вполне цивилизованных европей-

ских костюмах, мелькали женщины в красивых платьях. О проценте агентов ЦРУ в этой толпе можно было лишь догадываться, но даже пара наблюдательных глаз – уже опасно. Глеб увел своих людей в каюты, а в половине второго ночи начал поднимать решительными тумаками...

Еще одна ночь прошла спокойно. А наутро опухшие от сна спецназовцы стали прозревать, что сидеть им в этом болоте еще практически неделю. А потом тучу времени провести в плавании к берегам российского Дальнего Востока, ежедневно любоваться опостылевшими физиономиями друг друга. И в рядах офицеров морского спецназа воцарилось уныние.

– Ладно, приказываю не отчаиваться, – сказал Глеб. – Все хорошо, мы выполнили поставленную задачу, будем считать, что подверглись небольшому домашнему аресту. Разрешаю к ночи выйти в город – подозреваю, вся толпа с корабля туда повалит. Разве отменялись увольнительные на берег?

– А нас и вовсе никто не держит, – оживился Становой.

– Главное, чтобы рождаемость в этом городе не повысилась после ухода российских моряков, – проворчал Антонович.

– А тебе какая печаль? – удивился Семен. – Пусть повысится, мне не жалко. Только объясни мне, может, я что-то не понимаю, как повысится рождаемость, если общаться с женским туземным населением страшно даже в трех презервативах, надетых друг на друга?

– Вы утрируете, друзья мои, – возразил Глеб. – Времена исследований Миклухо-Маклая канули в Лету, большинство населения столицы Папуа – цивилизованные и чистоплотные люди. В отличие от вас. – Он окинул критическим взглядом свое неухоженное войско. – Если хотите выйти сегодня вечером в город, то должны быть с иголки, дабы не посрамить высокое звание офицера морского спецназа.

– А для местных мы – офицеры морского спецназа? – удивился Становой.

– А это не важно, – отрезал Глеб.

Ближе к обеду под дверью образовалось кряхтение, и в каюту вторгся загипсованный Волокушин с такой физиономией, что все прикусили языки.

– Немедленно в лазарет... – только начал Глеб.

– Не пойду! – разорался Женька. – Надоело! Там скучно! Там звери! Я с вами – может, хоть здесь мне на старости принесут стакан воды!

– О, боже, – схватился за голову Семен. – Принесите этому калеке стакан воды и отправьте обратно в санчасть! Имеем мы право хоть немного отдохнуть? Сокровище ты наше!

Но Женька умолял, настаивал, и народ сжалился. А потом отмазывал товарища от разъяренных санитаров, рвущихся в каюту со шприцами и претензиями. Неизвестно, чем бы закончился конфликт, кабы не новое эпохальное событие, повергшее экипаж корабля в изумление. Было шестнадцать часов пополудни по местному туземному времени, когда в бухту вошел элегантный эскадренный миноносец «Кертис Уилбер» из состава 7-го флота ВМС США и встал на рейде в пределах внутренней акватории порта, в паре кабельтовых от «Адмирала Ховрина». Событие было сродни грому среди ясного неба. Еще один дружеский визит? Ай да папуасы! Дежурная смена, повинувшись приказам вахтенных офицеров, устремилась на посты. Орудия не расчехляли, что было бы полной глупостью, но готовы были это сделать в любую минуту. Офицеры отдавали противоречивые приказы, командир корабля названивал из радиорубки в Москву, задавая единственный вопрос: «Что за фигня, товарищи всезнающие начальники?» Но ничего экстраординарного не происходило. Американский эсминец и российский противолодочный корабль друг друга стояли. Они даже чем-то походили друг на друга. Те же внушительные размеры (они имели значение), стреловидные линии, гордо вознесенный над надстройкой капитанский мостик, увенчанный сложным радиолокационным оборудованием. Судно оцетинилось пушками: пусковыми установками «Иджис» для стрельбы крылатыми «Томагавками», артиллерийскими установками «Марк 45», шестиствольными 20-мил-

лиметровыми зенитными орудиями «Фаланкс», ракетами «Гарпун» и «Стандарт-2», хорошо распространяющими демократию воздушно-бомбовым путем. На палубах эсминца толпились моряки и офицеры, с интересом разглядывали экзотическое судно под российским флагом. Для большинства из них эта встреча тоже стала неожиданностью. Но, видимо, не для всех. На эсминце играла музыка, что-то джазовое, не раздражающее. От дальнего причала в сторону судна устремилась лодка на воздушной подушке, зашла за форштевень по правому борту и пропала. У Глеба зародилась странная мысль, требующая всестороннего осмысления: а почему бы не допустить, что боевые пловцы, чье нападение они вчера отбили, уже ступили на борт своего корабля? И отдельные информированные лица прекрасно понимают, что происходит на самом деле. Мысль настаивала, нешуточно беспокоила. Как долго, интересно, в порту папуасской столицы собрался простоять «Кертис Уилбер»?

А российские моряки уже выбирались из ступора, махали своим заокеанским коллегам, острили наперебой: «А демократия у вас свежая? А в НАТО нас возьмут, или только в качестве мишени?» «Может, пальнуть по проклятым американским агрессорам?» – размышляли артиллеристы. «Средний палец встает, удержать не могу... – жаловался белообрый мичман товарищу. – Это все от долгого воздержания, не иначе...»

У американцев тоже назревало укрепление дружественных связей с туземным населением и обширная культурная программа. Усиленная вахтенная смена на «Адмирале Ховрине» готовилась к разного рода неожиданностям. Но все проходило мирно и дружелюбно, во всяком случае внешне. Десант из старших офицеров в парадном одеянии и группы сопровождающих лиц высадился на пристани. Со стороны американского линкора прибыл аналогичный комитет по встрече. От белоснежных мундиров, от сияющих улыбок, от начищенных блях и кокард стало слишком ярко. Беспокойство усиливалось. Глеб спустился в каюту, размышляя о странностях, временами возникающих на жизненном пути.

– Я один думаю, что все это выглядит странно? – мрачно поинтересовался Семен.

– Нет, – покачал головой Глеб. – Нас таких по крайней мере двое.

– Чертовы пиндосы... – пробормотал прикованный к койке Женька.

– Может, я чего-то не понимаю... – простодушно затынул Серега Становой, – но объясните, в чем проблема? Они попытаются отбить Хасслингера? Но это же чушь! Его так упрятали на «Ховрине», что даже мы не знаем, где он! Кто пустит сюда американцев? У них имеется ордер от прокурора? Да не было ничего – кто докажет?

– Ты совершенно прав, Серега, – задумчиво пожал плечами Глеб. – Ничего не было, это факт. Наши лица остались за кадром, не пойман – не вор. И все же... – он раздраженно поморщился, – осадочек какой-то нехороший.

– Надеюсь, отсюда не вытекает, что мы становимся затворниками и не можем выйти в свет? – насторожился Антонович. – Учти, командир, ты обещал нам вечерний променаж, и если бессовестно продинамишь, это будет страшным клятвопреступлением с твоей стороны.

– Будет вам променаж, не волнуйтесь, – усмехнулся Глеб. – Морской спецназ не настолько трусливый, чтобы не пройти по набережной.

«В самом криминальном городе мира», – подумал он мимоходом.

– Но чтобы выглядели, как на парад, – добавил он. – И вели себя так, будто вы культурные люди. Никаких излишеств, на провокации не поддаваться.

– Отлично, – возбудился Семен. – По сколько скидываемся? А квартал красных фонарей поищем?

– А что такое квартал красных фонарей? – хлопнул красивыми ресницами Становой. – Это квартал правительственных зданий?

– О, боже... – схватился за голову Семен. – Да, Серега, ты, наверное, прав, проститутки во всем мире одинаковые. А в этой стране, я слышал, преступный общак называется бюджетом...

– Минуточку, минуточку... – забеспокоился обездвиженный Женька. – Это что же получается, товарищи офицеры? Вы пойдете по бабам, будете там развлекаться, водку жрать, а я тут должен лежать в тоскливом одиночестве и читать Морской устав, поскольку больше на этой подводной лодке читать нечего?! Вы что, издеваетесь?! – Волокушин покраснел как помидор, принялся выбираться из кровати и рухнул от резкой боли в ногу.

– Спокойствие, Евгений, ты пойдешь с нами завтра, обещаем и клянемся на реликвиях нашего воинского братства, – ухмыльнулся Семен. – Или послезавтра, сообразим тебе инвалидную коляску, найдем негритосочку посимпатичнее, чтобы возила тебя взад-вперед и песни птички пела...

– Замечательно, – горько усмехнулся Женька. – Вон как ловко вы меня на хрен послали. Ладно, мужики, когда-нибудь поквитаемся...

После ужина настроение поднялось, бдительность притупилась.

– Ну, пройдемся по городку, – размышлял Глеб. – Стоит ли нервничать? Повсюду наши, ведь практически весь корабль отправляется в увольнение.

Матросы и офицеры судорожно мылись, скоблились, чистились, одевались в лучшие наряды. Ворчала вахтенная смена, заступая на дежурство. Пловцы преобразились, гладко выбритые, расчесанные, в темно-серых теннисках, подчеркивающих рельефную мускулатуру, в парадно-камуфляжных штанах с многочисленными карманами и застежками, в сверкающих берцах, придающих их мужественному облику окончательную брутальность. Расправились сутулые плечи мрачноватого капитан-лейтенанта Шуры Антоновича, по плотно сжатым губам плясала высокомерная усмешка.

– Народ к разврату готов, – под страдальческие стоны Женьки Волокушина возвестил Семен и лучезарно улыбнулся.

– А где Становой? – забеспокоился Глеб.

Серега, словно черт, явился, едва помянули. Весь загадочный, с блестящими глазами, с довольным видом потирающий ладошки.

– Спецобслуживание, мужики?

– Это как? – не поняли товарищи.

– С девчонками я уже договорился, – понизив голос, доверительно сообщил Становой. – Девчонки здешние, с нашего корабля, довольно миленькие, стоворчивые, общительные. Идут с нами. Нас не знают, но... согласились. Мы же свои, русские, чего нас бояться? Правда, их всего две. Катя из радиорубки и... Катя из группы шифровальщиков. Вроде бы лейтенанты. Они уже одеваются, сказали, что будут в штатском.

– Замечательно, – восхитился Семен. – Главное, не перепутаешь. Ладно, бонвиван, две так две, на месте разберемся.

– И еще. – Становой требовательно свел брови и строго посмотрел на товарищей. – Предупреждаю сразу. Та Катя, что из группы шифровальщиков, – она моя. А вторую уж делите, как хотите.

– Бабы на судне? – Антонович скептически поцарапал выбритый до синевы подбородок. – Как-то это, мужики, знаете...

– Перепрячем? – оживился Семен.

– Да нет, к несчастью...

– Ах, оставьте, – манерно отмахнулся Платов. – Не было бы счастья, да несчастье помогло. Что вы, Шура, смуту тут сеете?

– Ненавижу... – простонал из-под одеяла Женька. – Между нами все кончено!

– Бежим скорее, – спохватился Семен. – Пока это чудо за нами не увязалось.

Они уходили торопливо, пряча глаза, а Волокушин, безвинно пострадавший и лишенный всяких благ, загибал им вслед такое, в общем, обращался с прощальным посланием к народу...

Что он знал о Папуа – Новой Гвинее? Практически ничего, хватал информацию урывками. Государство на востоке второго по величине острова. «Земля людей с вьющимися волосами» – так называли папуасов соседние малайцы, у которых волосы были прямые, и им было завидно. Половина населения еще не выбралась из каменного века, проживает племенами в непролазных джунглях, занимается охотой, рыболовством, собирательством, верит в духов, и ритуальные обряды у них соответственные. Бытуют легенды о людоедах, временами эти легенды подтверждаются. Племя ванауту, в сущности, мирное. Можно подарить вождю парочку свиней, и тебя не съедят. Воинственные яли ходят в перьях, в боевой раскраске, потрясают топорами и копьями. Главный праздник в племени не Новый год, а Праздник Смерти, посреди одного убивают шамана, и вождь племени съедает его мозг, дабы впитать знания мудреца и доставить удовольствие Смерти. Племена карафаев самые жестокие и прожорливые. Живут на деревьях, так и называются «древесные люди», кушают заблудившихся туристов, своих скончавшихся родственников. Разойтись с ними мирно, наверное, можно, но как узнаешь заранее? В городах же все приличнее, язык английский, но и там сохранилась практика ритуальных убийств подозреваемых в колдовстве женщин. Словом, бандитское государство со всеми признаками видимости демократии. Парламент, президент, вороватые чиновники – все как положено. Нищее население. Тотальная безработица. Соседняя Австралия ежегодно субсидирует папуасам полтора миллиарда долларов, лишь бы не лезли через Торресов пролив толпы голодных мигрантов. Одна из самых криминогенных стран. Город Порт-Морсби – столица мировой преступности, последнее место в рейтинге безопасных столиц мира. Количество убийств втрое больше, чем в Москве (по количеству, а не на душу населения), в 23 раза больше, чем в Лондоне. Основная криминальная субкультура – рэсколизм (от англ. *rascal* – «плут», «негодник»), система жестоких молодежных банд, которые совершают кражи, изнасилования, зверские убийства. Есть здесь и купленные чиновники, продажная полиция, склонная к зверствам и пыткам. Банды сотрудничают с международным криминалом, с китайскими этническими группировками, действующими в Папуа – Новой Гвинее. Происходит контрабанда наркотиков в США, Австралию, Новую Зеландию, торговля оружием, людьми, проститутками...

Впрочем, на набережной все было мирно, дружелюбно, и как-то пропадало желание прихватить с собой пулемет. Под симпатичными фонариками в окружении ухоженных пальм и клумб с орхидеями сновали толпы людей, звучала русская, английская речь, местный «перверсивный» пиджин-инглиш. Дикарей, обвешанных черепами и в полной боевой раскраске, почему-то не наблюдалось. Цивилизованные папуасы одевались, как и все приличные люди, в майки, шорты, парусиновые брюки. Одни напоминали австралоидов, другие были чернее негров, видимо, это были негрито, группа темнокожих низкорослых народов, проживающих в Юго-Восточной Азии, благодаря которым остров Новая Гвинея, собственно, и получил свое название. Встречались китайцы, меланезийцы, представители белых народностей, избравших остров местом постоянного проживания. Из темных кустов в глубине аллеи доносился сдавленный женский смех, звенели бутылки. По аллеям группами прохаживались российские и американские моряки, играла музыка в ночных заведениях, к ним вели гравийные дорожки, украшенные затейливыми фонарями.

Девушки оказались милыми и словоохотливыми. Им было лет по двадцать шесть – двадцать восемь. Черненькая – из радиорубки, светленькая – от шифровальщиков. Бурчали в спину невнятные личности, мол, гордость и краса противолодочного корабля гуляет не с ними – верными сослуживцами, а с какими-то приبلудными мутными парнями, непонятно как оказавшимися на «Адмирале Ховрине». На эти выпады не обращали внимания. Главное – заговорить зубы прекрасному полу. Блондинка с пышным бюстом и короткими курчавыми волосами, одетая в маечку и короткую юбку, трещала, как пишущая машинка: о том, что на дух не выносит духоты, что краше Владивостока города нет, что это первое ее плавание на большом

корабле, что не грех бы чего-нибудь выпить и закусить. Хотя, если честно, после шести вечера она не закусывает. Возможно, эта девушка неплохо справлялась со своими обязанностями, и в постели была хоть куда, но насытить голодный интеллект могла с трудом. Становому, впрочем, было без разницы, он тоже не отличался буйством интеллекта и поэтому всячески охаживал блондинку, обнимал ее, заглядывал, как бы невзначай, за вырез маечки. А Семен украдкой подмигивал Глебу, дескать, у кого нет мозгов, тот очень любит разговаривать...

С Катей из радиорубки было сложнее. Глеб безуспешно гнал от себя мысль, что ему нравится эта девушка. Невысокая, худенькая, в облегающей сорочке и джинсах, выгодно подчеркивающих достоинства фигурки, она забавно морщила носик, украдкой усмехалась, когда спутники несли ярко выраженный вздор, стреляла серыми глазками в сторону Глеба. А тот определенно начинал смущаться и чувствовать себя не в своей тарелке.

– Ребята, а вы вообще откуда? – спросила Катя, которая была из радиорубки, когда они выбрались из зоны набережной и вошли в сквер, украшенный величественными тропическими деревьями. – Что-то я не замечала вас на корабле. Вы ведь в Джакарте проскользнули на борт, нет? – и снова как бы невзначай покосилась на Глеба.

– Прибыли с инспекцией, дамы, – важно надувая щеки, отозвался Семен. – Из управления по управлению всеми управлениями.

– А если серьезно? – Катя рассмеялась.

– А если серьезно, Катюша, – вкрадчиво сказал Глеб, – то мы из института картографии. Занимаемся гидрографической съемкой.

– Ого, – удивилась брюнетка и снова прыснула, после чего положила руку на плечо Глеба – ей пришлось раздвинуть пальцы, чтобы хоть как-то перекрыть бицепсы с трицепсами. – А в вашем институте все такие... накачанные?

– В нашем – да, – с гордостью ответил Антонович, а Глеб почувствовал, что Кате не хочется убирать руку и в животе у него начинается бурление. «А почему бы нет? – стыдливо подумал он. – Родина далеко... что тут такого?»

– Как, вы всего лишь из какого-то института? – разочарованно вытянула губы блондинка, и засмеялись все, даже Становой. А Семен вновь украдкой покосился на Глеба и постучал кулаком по лбу, дескать, давно доказано, что половина женского населения планеты – дуры.

От пронзительного запаха цветов, расслабляющей южной обстановки, соседства симпатичной девушки под боком у Глеба кружилась голова. Такое ощущение, словно уже выпил. Но он продолжал исподтишка озираясь, высматривал, не идет ли кто за ними. Да это просто паранойя! Никто за ними не шел, враждебные тучи не собирались. Можно расслабиться, получить удовольствие от жизни. А тут Становой начал шелкать телефоном, делать снимки на память в раю для всех желающих. Запечатлел смеющихся девчонок, потом увековечил Глеба с обеими в обнимку, потом снял товарищей, Семен при этом кривлялся, Антонович оставался серьезным и сосредоточенным, а Глеб подумал: вот и будет у тебя фото с обезьянкой и удавом. «Снимите меня, снимите!» – хохотала, входя в раж, блондинка. А Семен опять вполголоса начинал теоретизировать, мол, какой запутанный русский язык, поскольку снять можно кино, квартиру, девушку, скаल्प...

– Ну, что, ваши высокородия и прекрасные барышни, не пора ли нам где-нибудь приземлиться? – вынес свое предложение на рассмотрение коллектива Становой.

– Не гони, – пробормотал Глеб. – Пусть все идет своим чередом.

Кончился сквер, снова потянулась набережная, заполненная народом. Шныряли сомнительные личности, кучковалась в тени аллеек местная публика, липли к морякам проститутки, страшенькие, пестро одетые, с дикими прическами и устрашающими серьгами в ушах, видимо, предполагалось, что иностранцы всегда ведутся на эту «экзотику».

– Нет уж, нет уж, – забормотал Семен смешным голосом, едва не став жертвой сексуальной атаки. – Ну их на фиг, этих «сексуально беспечных». Тут и впрямь одним презервативом

не обойтись, броня нужна... Серега, прикрой меня, срази их своей красотой. Ужас какой. На Таити проститутки определенно красивее... Вы бывали на Таити, товарищи офицеры?

– Фу, какая гадость... – морщилась Катя из радиорубки, прижимаясь плечом к Глебу, а блондинка беззаботно похохатывала.

– Глеб, вы заметили, что в этом городе нет попрошайек? – прошептала на ухо брюнетка Катя. – Они все такие загадочные, стоят, смотрят на тебя, никто не просит.

– У папуасов имеется собственная гордость, Катя, – отозвался Глеб, отыскивая руку девушки и легонько сжимая ее пальцы, которые сразу же задрожали. – Но это не значит, что они откажутся, если вы предложите им деньги. А вместо спасибо нападут на вас в темном уголке и отнимут то, что у вас осталось.

– Дайте медный грошик, господин хороший... – забубнил Семен. – А худые они тут какие, не кормят их, что ли?

– Здоровое питание практикуют, – хохотнул Антонович. – Кто здоровее, тот и питается. Послушайте, товарищи, мне кажется, мы вполне уже нагуляли аппетит, пора швартоваться. Что скажешь, Глеб Андреевич, специалист ты наш по картографии и аэрофотосъемке?

Заведение, к которому стекались все дорожки на набережной, называлось «Кентаурус», хотя вместо лошади с человеческой головой на вывеске переливалось огнями что-то осьмино-гообразное, с ушами, оттопыренными, как у Семена.

– Выпивкой не увлекаться, коллеги, – предупредил Глеб, машинально нашаривая в кармане тонкую пачку командировочных североамериканских долларов. – Если увижу хоть одного пьяного, заставлю завтра весь день отжиматься.

– Как строго с дисциплиной в вашем институте, – под дружный гогот подметила блондинка Катя.

– Мы по чуть-чуть, Глеб Андреевич, – уверил Семен. – И сразу баиньки. Ну, чтобы не было, как в песне: «и тогда наверняка вдруг запляшут облака...»

Судя по тому, как пальчики Катюши сжимали его руку, по поводу «баиньки» у Глеба назревали проблемы. Зал «Кентауруса» был вместителен, и тот, кто его спроектировал, имел толику представления о том, что такое дизайн интерьера. Гремела музыка, как ни странно, современная западная с уклоном в Леди Гага. Толпились люди у бара. Посетителей было битком, но зоркий Семен разглядел свободный столик в углу, махнул рукой, мол, за мной, в атаку, и первым начал продвижение. Белоснежная форма русских и американских моряков слепила глаза. Наши – в бескозырках, в отглаженных матросских воротниках, янки – в беретах. Все приветливо, дружелюбно. Поначалу настороженно косились друг на друга, что-то хмыкали, но постепенно таяли, обниматься еще не лезли, в вечной дружбе не клялись, но уже обменивались несложными фразами, подмигивали. У бара разбитной мичман Савельев в заломленной на затылок фуражке в компании парочки старшин уже брался с уоррент-офицером третьего ранга, пытался ему что-то втолковать, имея за душой лишь несколько английских слов, половина из которых была ругательной. На новоприбывших не обращали внимания, только Глебу подмигнул старшина первой статьи Ячменев, дующий пиво из гигантской кружки (явное наследие немецких колонизаторов). Платов добрался до «финишной ленточки», свалился за столик, оттоптав вытянутую ногу упитанного лейтенанта младшего ранга, который вальяжно сидел рядом и с презрением принимался к доставленной ему доске с морепродуктами. Обменялись односложными извинениями, младший офицер лениво улыбнулся, Семен смастерил сомкнутыми ладошками жест вай.

– Ишь как расперло от гордости за страну, – шепнул он Глебу. – Ну, прямо орел на вершине Кавказа...

Ждать официанта пришлось недолго. Между делом насладились зрелищем, двое штатовских матросов через столик, основательно нагруженные, но еще не буйные, две путаны с раскосыми глазами, явные уроженки Поднебесной. Столик был заставлен яствами и напитками.

Матросы гоготали, проститутки хихикали и висли у вояк на шеях, непонятно, что они при этом видели, щелочки глаз были такими узкими, что туда не пробился бы и солнечный свет. Одной вдруг стало дурно, съела что-то не то, девушку вырвало, хорошо, не на колени клиенту. Держась за живот, она заковыляла к выходу, отмахиваясь от призывных воплей в спину. Моряк надрывно что-то кричал, потом откинулся на спинку стула и провалился в оцепенение.

– Китайская проститутка, – хмыкнул Антонович.

– Сломалась, – резюмировал Семен, чем вызвал приступ гомерического хохота.

Подбежала официантка-папуасочка с большими глазами и припухшими губками, раздвинутыми в дежурную улыбку. Семен сделал уши торчком, замурлыкал: «Я заметил твой смеющийся взгляд...» А дальше все было хорошо и культурно... какое-то время. Балагурили про кулинарные пристрастия папуасов. Глеб уверял, что в целом диета у туземцев растительная, что подберут, то и едят, но не гнушаются свининой, рыбой, куриным мясом, а также жуками, крысами, ящерицами. А в труднодоступных местах, где сохраняется первобытно-общинный строй, там и вовсе сущие гурманы! «Не надо, – умоляли девушки, хватаясь за горло. – Умоляем вас, Глеб, не надо, будьте человеком!» Но уминали за милую душу жареного цыпленка с бананами, щедро сдобренного перцем, бледные свинные отбивные с прожилками, пили непривычное сладковатое пиво с привкусом неведомых трав. Катина нога под столом прижалась к лодыжке Глеба и уже не отодвигалась. Все подмечали эти странности, и на брюнетку никто из товарищей не претендовал. Каждый стремился выглядеть самым остроумным, анекдоты из жизни папуасов и ВМС России текли рекой. Серега Становой вдруг начал беспокоиться, обнаружив, что блондинка, которой он вроде бы понравился, поменяла свое мнение и с интересом поглядывает на Антоновича. А Шура, прочувствовав это дело, как-то засмутился, притих и злобно уставился на обиженного Серегу, мол, я-то в чем виноват? Сам обязан понимать, главный мужской орган, он вообще-то из двух букв: УМ.

Смотреть на это было забавно. Глеб расслабился, все происходящее становилось затейливым фоном, и превалировала лишь одна мысль: где в этом чертовом городе найти место, чтобы на несколько часов уединиться с девушкой?

– Эх, пьяная молодость! – выдохнул Семен. – Ну, что, командир, по второму пиву?

И все же пришлось напрячься. В разгар веселья, когда никто уже не слушал собеседников, а слушал только себя, произошло событие, заставившее понервничать. В напоенный гамом и табачным дымом зал вошли четверо мускулистых мужчин. Явно американцы, но уж больно не похожие на парней из экипажа эсминца. В штанах вроде тех, что были на ребятах Дымова, только тенниски у них были не серые, а в буро-зеленых камуфляжных разводах, из прочной ткани. Коротко стриженные, в меру молодые. Возглавлял группу угрюмый сутулящийся субъект с кустистыми бровями и квадратной челюстью. «Ежик» на голове был тоже квадратным, складывалось ощущение, что субъект пришел в ресторан со съемок боевика про командос. Остальные выглядели менее устрашающими, хотя было заметно, что львиную долю своего свободного времени парни проводят в тренажерных залах. Второй был тоныше в талии, более изящен, чернявый, смуглый, судя по всему, латинос, он отдаленно напоминал артиста Марка Дакаскоса. У третьего была широкая приплюснутая физиономия, рыжая поросль с залысинами посреди черепа. Четвертым был подтянутый блондин с удлиненной неприятной физиономией, глазами навывкате, судя по всему, задира и драчун. Он обнимал за талию надменную девицу со стянутыми на затылке пепельными волосами. У девицы был дерзкий взгляд, маленький нос, презрительно сжатый ротик, удручающий первый размер груди, зато приятная линия бедер, подчеркнутая легким парусиновым жакетом. Особа, судя по всему, капризная, она с неудовольствием обвела глазами зал, опасливо покосилась на хохочущих за ближним столиком русских офицеров и манерно передернула плечами. Потом встала на цыпочки и что-то сказала блондину. Тот окликнул обладателя «ежика», который уже вознамерился протиснуться к бару. Субъект повернулся, угрюмо выслушал блондина, спорить не стал. И вся компания в колонну

по одному удалилась, решив поискать другое заведение, без всепобеждающего русского духа. Глеб перевел дыхание. Но при виде парней напряглись все природные инстинкты, встало в стойку чутье. Заныло располосованное колено, обмотанное толстым слоем бинта. У парней была особая стать. Возможно, это и выделяло их на фоне приятного собрания...

Девушка напротив служила седативным лекарством. Она смотрела на него задумчиво, подперев подбородок кулачком. Образ накаченных парней уже мельчал, выдувался из памяти. Официантка доставила пиво, но тянуть эту сладкую травяную водичку Глеб уже не мог. Для приведения в норму нервной системы он бы выпил чего-нибудь нормального, без фанатизма, пару доз. Гонять официантку было как-то неловко. Обливаясь потом, девчушка металась по всему залу и, видимо, мечтала о бронежилете для попы, которая уже покрывалась волдырями от дружеских шлепков. Глеб пообещал товарищам и дамам, что непременно вернется, поднялся и зашагал к барной стойке, у которой грудилась небольшая толпа. Мичман Савельев в стадии легкого опьянения окучивал смущенного «уоррента», уверяя на ломаном английском, что все их эсминцы по сравнению с русской броней – полное «Г». А то, что творят янки в Афганистане, – это не борьба за демократию во всем мире, а клинический маразм, призванный задушить Россию афганским героином. Они хоть одну школу там построили? Хоть одно дерево посадили? А советские войска не только воевали, но и школы строили, и парки разбивали, и дороги с мостами... «Вот этот парень не даст соврать», – тянул Глеба за рукав мичман, но Глеб лишь виновато улыбался, давая понять, что ему сегодня не до большой политики. Он протиснулся к бару, у которого толпились англоговорящие матросы, терпеливо дождался, пока курчавый бармен, отзывающийся на имя Каве, обратит на него внимание, заказал двойное виски. «Bushmills» – «Черный Куст» в это время суток его вполне устроил. Глеб тянул приторную, насыщенную ореховыми ароматами жидкость, косясь через плечо, за их столиком все было нормально. Семен рассказывал забавную историю, Катя из радиорубки непринужденно смеялась, отбрасывая со лба непокорные локоны. Шура смущался от зовущего взора блондинки. Становой пыхтел от негодования и уже посматривал по сторонам, нет ли на примете альтернативного варианта.

И в этот момент Глеб почувствовал пронзительный взгляд в спину.

Он развернулся всем корпусом, медленно, с достоинством, стараясь не расплескать ополовиненный бокал. К черту страхи и недобрые предчувствия. Все уже случилось. В метре от него со сжатыми кулаками стоял мускулистый обладатель «ежика» и исподлобья, мутным и колючим взором смотрел ему в глаза. И сразу все встало на свои места. Глеб подобрался, расправил плечи, ничем не выдавая душевных метаний. Вот теперь, на короткой дистанции, он все понял. Он уже видел эти карие, исполненные ненависти глаза. Их не забудешь и с другими не спутаешь. Прошлой ночью на морском дне, когда схватился с их обладателем в жестком спарринге. Это он сломал Волокушину ногу, это он был напарником несчастного пловца, которого застрелил Глеб. Американец запомнил глаза своего врага, интуиция у него дай бог. Вернулись, стало быть, «морские котики»... Непокорно было на душе у Глеба, неясное чувство подсказало вернуться.

У американца и выдержка была на зависть. Чесались кулаки, желвак упруго перекатывался, глаза источали ярость. Но он не двигался, словно врос в пол. И как-то тихо вдруг сделалось вокруг этой парочки, насторожились отдыхающие, завертели головами. А Глеб с достоинством выдерживал взгляд. И подмечал периферийным зрением, как накаляется обстановка у «котика» за спиной, подходят три товарища с заинтригованными физиономиями, становятся полукругом позади командира, начинают соображать, что все это неспроста и случайный поиск, похоже, угодил в цель. Очерствел, сделался камнем элегантен латинос. Выкатилась нижняя челюсть у мордатого пловца. Криво и зловеще усмехнулся неприятный блондин, отодвинул плечом свою спутницу с пепельными волосами и брезгливо выпяченным ртом.

– Босс, ты нашел его... – злобно прошипел блондин. – Клянусь Христом, ты нашел этого русского подонка, который убил Шона... Босс, позволь мне с ним поговорить...

– Заткнись, Кенни, – процедил командир. Он подался вперед, как бы проверяя оппонента на трусость. Глеб не шевелился. Дрогнул мускул на лице американского командира.

– Господа, вы ничего не напутали? – вежливо и абсолютно спокойно осведомился Глеб. Он полностью контролировал лицо визави. Даже у человека с железной выдержкой перед совершением определенных действий лицо должно измениться.

– Босс, ты уверен, что это он? – нахмурился латинос.

– Это он, Мигель... – втянув ноздрями воздух, проговорил командир.

– Эй, народ, у кого тут проблемы? – заворчал что-то за спиной, и в ухо задышал подоспевший Семен Платов. – Глеб, чего им надо, этим курсантам?

– Убирайтесь... – прорычал по-английски изменившийся в лице Становой, непроизвольно вставая в стойку.

– Ну вот, как всегда... – заворчал где-то сбоку Антонович. – Только выйдешь на минутку в туалет... Командир, ты не находишь, что у парней к нам претензии? Может, рыло им начистим?

Становилось веселее. Русские спецназовцы в расслабляющей обстановке, возможно, долго запрягают, но коль уж трогаются в путь... Не меняясь в лице, Глеб поднял стакан с остатками орехового пойла, медленно допил, не спуская взгляда с окаменевшего вероятного противника.

– Эй, петухи, – насторожился мичман Савельев. – Вы чего тут перья распушили?

– Поговорим, господа? – миролюбиво предложил Глеб. – Мне кажется, мы чего-то недоуваем, и в этой связи возникает щекотливая ситуация...

– В общем, не пойти ли вам... – начал конкретизировать Становой.

И едва не provoked тяжелую плюху по челюсти. Мотнул головой, и кулак, отправленный в атаку смуглым Мигелем, просвистел над ухом. Возмущенно охнув, Серега вывернул руку противнику, но тот оказался скользким, обхватил его лодыжку левой ногой, и оба загремели на барную стойку. Разбежались люди, облокотившиеся на нее, и стеклянный бокал, расплескивая содержимое, запрыгал в руки ошеломленному бармену. Драчуны вцепились друг в дружку, боролись, пыхтели, никто не хотел уступать. Антонович решил не ждать, пока его чем-нибудь припечатают, бросился на мордатого. Но тот уже ждал. Ударили одновременно и разлетелись, охнув от боли в грудных клетках. Вскричал Семен, которому в ухо засадил блондин Кенни, метнулся с воплем: «Да уж, парни, у вас действительно единственный легкий день был вчера!» Это был девиз «морских котиков». Семен сделал обманный выпад левой рукой, и правый локоть смачно впился в висок, из-за чего у блондина глаза сбились в кучку. Но он не растерял азарта, исторг оскорбленный индейский клич, и эти двое вцепились друг в дружку, повалились на ближайший столик, который, к счастью, не пользовался популярностью в связи с близостью барной стойки, со столика – на пол, стали мутузить и посылать друг друга. Воцарился хаос, орали возмущенные посетители заведения, бармен кричал, что вызовет полицию. «Stop it, stop it!!!» – надрывалась спутница американцев. Что-то кричали девушки Катя из радиорубки и Катя из группы «конспирологов» (как удачно пошутил Семен), они уже протискивались между столиками, чтобы образумить драчующихся. В общем, было весело, и только двое в этом гвалте не замечали происходящего вокруг них. Они не шевелились, не моргая, смотрели друг на дружку, исполняясь презрения, ненависти, сжимая кулаки, но не бросаясь в бой, поскольку это ничего бы не дало, силы были равны. Наконец американец тяжело и шумно вздохнул, расслабился, проорал: «Хватит!» А к этому времени негодующие посетители заведения, для которых международный скандал означал бы полную отмену дальнейших увольнений, растащили «гладиаторов», оттеснили их, взбешенных, обливающих потом, в углы «ринга». Катя вцепилась Глебу в руку, что-то прорычала в адрес американца.

– Идиоты! – надрывался мичман Савельев, вращая пальцем у виска. – Вы что, совсем мозги пропили?!

– А мы тут при чем?! – возмущался Становой. – Мичман, ты же сам видел, они первыми начали!

Американец с «ежилом» на голове подался вперед, сжимая кулаки, он продолжал сверлить Глеба недобрым взглядом.

– Запомните, мистер, – процедил он, – меня зовут Стюарт Мэрлок, мы с вами непременно еще встретимся, сколько бы вы от нас ни бегали. И вы еще пожалеете, что оказались в этой части света...

Глеб молчал, дергаться глупо, после драки кулаками не машут. Да и неудобно дергаться, когда у тебя на руке висит женщина. Возмущалась девица, сопровождающая «морских котиков», тянула своих мужчин к выходу. Те уходили неохотно, озирались, фыркали, плевались. С губы мордатого сочилась кровь. У блондина Кенни наливался лиловой синью левый висок. Прихрамывал темноволосый Мигель. Последним заведение покинул человек, представившийся Мэрлоком, он задержался на пороге и с таким «высоким» чувством посмотрел на Глеба, что тот, к стыду своему, почувствовал, как кровь холодеет в жилах и ершистый ком перекрывает доступ кислорода. Потом тот вышел и хлопнул дверью.

Разрушений не было, международного скандала избежали. Желание бармена вызвать полицию осталось лишь желанием, да, судя по всему, и того не было. Вызывать полицию в этой стране не любили. Роптали посетители, американцы стали посматривать на пловцов с неприязнью, соотечественники – с пониманием и одобрением. Люди, в принципе, видели, что инициаторами потасовки были не русские, и выставлять их из ресторана персонал побоялся. А на Глеба вдруг накатило невиданное спокойствие. Все, что могло, уже случилось, и больше не нужно переживать, что произойдет что-то неприятное. Вариант пока щадящий. Но о дальнейших прогулках по гостеприимной папуасской земле, похоже, придется забыть. Он махнул напрягшейся официантке, попросил, чтобы принесла пиво на их столик... «Что это было? – тормозили их испуганные девушки. – Не успели как следует отметить в данной части света, и уже жесткие терки с американцами. Кто вы такие, господа картографы?» Девушки были не только испуганы, но и заинтригованы, а подобное состояние, как известно, повышает сексуальный интерес. Они опять сидели за столиком, нервно хихикали, тянули пиво. Успокоились окружающие, уже не косились на них с опаской и предубеждением. Антонович потирал отбитую грудину, бормотал, что кулаки у этих «блин, тюленей» массивнее, чем он думал. Семен держался за ухо и жаловался, что теперь оно оттопырится еще больше, а его и так девушки не любят... и вообще, жизнь не имеет смысла, и все люди в ней пешки. Серега растирал ушибленное плечо и удивлялся, почему выдержала барная стойка, он помнит, как однажды в подмосковном ресторане, когда они отдыхали с девчатами и на них наехали тупые бандиты, подручные местного авторитетного криминала... в смысле, криминального авторитета...

– Мне кажется, эти парни нас недолюбливают, – вынес вердикт Серега и хлопнул кружкой по столу.

– Мне тоже не понравилось это групповое фото, – проворчал Антонович.

– А признайтесь, мы испугались, словно ломанули бандитский общак, – изучив физиономии товарищей, заключил Семен. – Теперь я понимаю, что это было... – Он покосился на девушек, чьи глаза блестели от любопытства, откровенничать в их компании было не очень здорово. – А ты молодец, командир, – похвалил он Глеба, – реагировал нордически. Ладно, – постучал он себя по оттопыренному уху. – Как говорится, мы не боимся, когда много врагов, мы боимся, когда мало водки! – Он поднял руку, щелкнув пальцами, и официантка с готовностью устремила к нему. А Глеб, вместо того чтобы прервать это безобразие, промолчал. Вроде все трезвые, пить умеют, а после такой встряски хороший бокальчик крепкого виски уж точно будет не лишним...

Время близилось к полуночи. Увольнительная у большинства матросов до нуля часов. У американских, видимо, тоже. Боевые пловцы формально не имели отношения к экипажу «Адмирала Ховрина», но зачем им дополнительные неприятности? С другой стороны – этот зовущий женский взгляд... Брюнетка Катя подалась к Глебу и прошептала на ухо: «Я могу сегодня не возвращаться на корабль. У меня хорошие отношения с капитан-лейтенантом Паниным, он обязан мне за одно сомнительное дело, нужно только позвонить ему на мобильник...» Глеб сглотнул, покосился на толстого американского матроса за соседним столиком, тот в засос целовал темнокожую девицу, долго целовал, упоительно, видимо, ждал, что она станет царевной. Семен, достаточно принявший на грудь, тоже смотрел на эту парочку и не мог понять, эта дамочка от природы красивая или ему уже хватит? А почему бы нет? Львиная доля женской красоты состоит из мужского воображения! Посетители уже расходились, слава богу, все закончилось без кровопролития! Потянулись к выходу и спецназовцы со своими новыми подругами. «Будьте осторожны, – предупредил Глеб. – Не исключено, что неприятности поджидают нас на улице. А если подтянули своих «смежников» из засекреченных разведывательных ведомств... В общем, держимся поближе к своим».

Ожидали чего угодно, но только не этого! На улице толпились люди, смеялись женщины. Несколько американцев курили на газоне. Зоркий глаз Глеба вычленил привалившуюся к пальме фигуру латиноса по имени Мигель. С аллеи приближались двое, как бы просто гуляли – блондин Кенни и девушка с пепельными волосами. Вероятно, по аналогии с двумя Катями она не имела отношение к отряду «морских котиков», а числилась в штате эсминца. Глеб напрягся, значит, поджидают. Сейчас предложат разобраться, прогуляться «за угол». А где же прочие, а главное, старинный приятель по имени Стюарт Мэрлок? Глеб ненавидел отступать, проявлять нерешительность, малодушие. Но как иначе поступать в данной ситуации? Операция по освобождению Хасслингера была секретной, чреватой крупным международным скандалом. Бойцов морского спецназа России в Порт-Морсби не могло быть в принципе! Он должен ломать себя через колено, все отрицать, отступать короткими перебежками... Но тут вмешался дикий случай. В рядах американских матросов, возвращающихся с вечеринки, вспыхнул скандал. Сначала выясняли отношения на повышенных тонах, потом разразились крики, ругань. Было видно в свете фонарей, как двое сцепились, тянули друг друга за грудки. Вмешался третий, но от этого конфликт лишь усугубился. «Лоренсон, прекрати, ты сходишь с ума! – истошно орал матрос. – Парни, все в порядке, не обращайтесь внимания, у Лоренсона проблемы в семье, а неделю назад он упал с лестницы, врачи говорят, что гематома мозга!» Но «виновника торжества» продолжали мутузить, видимо, он крепко кому-то насолил. И тут, как нередко бывает в таких случаях, прилив сил, раздудись плечо. С каким-то диким нечеловеческим воплем матрос расшвырял повисших на нем людей, вывалился с аллеи на освещенную площадку перед рестораном, начал затравленно вращать глазами. У него действительно перемкнуло в голове. Знакомый парень – это у него «сломалась» китайская проститутка, после чего он провалился в ступор. Все понятно, сумрак сознания, голоса в голове, приказы, неадекватное восприятие окружающего мира... Он выхватил из-за пояса надетой на выпуск флотской рубашки пистолет, взметнул руку вверх и с диким криком дважды выстрелил в воздух! Откуда у него пистолет?! Все, кто был поблизости, в страхе отшатнулись, закричали на разные голоса. Кто-то уносился за пальмы, кто-то прыгал на газон и катился кубарем, давя клумбы с цветами. Возможно, все бы обошлось, ну, погорячился человек, пострелял в воздух. Но парочка разъяренных коллег решила обуздать стрелка, они тоже выпили немало. Гневно вопя, те бросились к матросу, чтобы отобрать пистолет, скрутить. Но тот в прыжке развернулся и окончательно впал в безумие. Он направил оружие на своих товарищей, открыл беглый огонь! Патронов в обойме, видимо, было предостаточно. Один из атакующих схватился за живот, рухнул на колени. Второй, не ожидая такого исхода, чертыхаясь, завертелся на месте, потом метнулся к аллее, сбил блондина Кенни, который не успел оттащить свою подругу от опасного места. Руга-

ясь на великом, но бедном английском языке, блондин не устоял, вонзился головой в кустарник, возился там, отрываясь от ветвей, пытался выбраться, как Братец Кролик из тернового куста. А тот, кто сбил его, промчался дальше по аллее, запнулся и пропал где-то в сумраке. Кричала женщина, вокруг которой свистели пули, она застыла, съежилась, прижала руки к груди, зажмурилась, как будто этим могла защититься...

– Барбара, падай!!! – истошно голосил из кустов блондин.

А этот придурок разошелся, крыша съехала, он уже ничего не соображал. Палил по аллее в состоянии аффекта, входя в иступление, и патроны в его обойме никак не кончались! А в «глоке» их девятнадцать штук. На том участке, где он вел огонь, никого уже не было, только одинокая женщина, у которой от страха парализовало ноги. Это должно было кончиться печально. И откуда что берется в голове? Глеба подбросило, он понесся прыжками...

– Командир, ты куда?! – ахнул Антонович, прижимая испуганных девушек к брусчатке.

Сам хотел бы знать, куда он собрался. Больше всех, что ли, надо?! Обезумевший матрос, услышав топот за спиной, резко обернулся, но Глеб уже подцепил его, падая вместе с ним, нанес удар лобной костью в переносицу, что было, возможно, излишне. Отбросил от себя дергающееся тело, к которому мгновенно из темноты устремились люди, вскочил, кинулся к женщине.

– Вы в порядке, Барбара?

Она тарасилась на него огромными, напоенными страхом глазами. Машинально кивнула, стала себя ощупывать. А на аллею уже выпрыгивал с протестующим ревом блондин Кенни, оттолкнул Глеба, схватил в охапку свою омертвевшую от страха спутницу, начал ее тормошить. Сменялись яркие мизансцены. Были видны перекошенные лица штатовских моряков, извивался обезумевший парень, которого оседлали трое, среди них был хрипящий негр, он давно уже подозревал, что у этого чертова Лоренсона не в порядке с головой. Выглядывал из-за дерева смуглолицый Мигель, две фигуры мялись в нерешительности позади толпы, они подозрительно напоминали Стюарта Мэрлока и его мордатого подчиненного. Топали по набережной какие-то люди, приближаясь к месту происшествия.

– Послушай, Глеб Андреевич, ты, конечно, герой – голова долой, вот только ну ее на фиг... – урчал Антонович, вытаскивая Глеба за ремень из толпы.

– Ага, он хочет дать показания, признаться, кто он такой, получить награду из рук народа Соединенных Штатов... – вторил Семен, помогая Антоновичу. Последовал дикий рев разъяренного бизона, ополоумевший матрос сбросил с себя «наездников», сделал отчаянную попытку вырваться. Загудела толпа, люди бросились его ловить. Под шумок спецназовцы выскользнули из гущи народа, подхватили мнущихся девушек и нырнули в темноту...

Они бежали дружной кучкой по темным парковым дорожкам, куда-то свернули, потом еще раз, убедились в отсутствии преследования и зашагали к темнеющим в отдалении строениям. Трещали цикады, ароматы ночных орхидей щекотали нос и кружили голову. Навалилось какое-то смешливое настроение, Глеб еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Вы такой внезапный, Глеб... – задыхаясь, вымолвила Катя, падая ему в руки.

– Ага, сам, поди, в шоке, – хихикнула блондинка. – Спас от смерти незнакомую женщину, которая гуляет с вашими врагами... Даже не знаю, о чем спросить, мужчины, столько происходит всего интересного, мысли разбегаются.

«Чему там разбегаться?» – подумал Глеб.

– А вот если бы мы прошли мимо ресторана... – начал выстраивать предположения Становой.

– А вот если бы у бабушки было что-то, – перебил его Антонович, – она была бы дедушкой. Томный вечер продолжается, командир?

– Мне кажется, он перестает казаться таким томным, – прозорливо заметил Семен. – Не могу избавиться от мысли, что кому-то из нас придется вернуться на корабль. Или еще

погуляем, господа и дамы, мальчики и девочки? – задумался Платов. – Там же часовые не вахтерши в общежитии, чтобы не пускать после двенадцати?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.